

Неприкосновенный запас. 2008. №4.

Ирина Тартаковская

Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го

Одним из самых ярких западных интеллектуальных и общественно-политических течений, связанных своими корнями с революционными событиями 1968 года, несомненно, является вторая волна феминизма, развернувшаяся в 1970--1980-е годы. Сегодняшние наиболее распространенные представления о феминизме, от сочувственных до откровенно негативных, обычно связаны с этим периодом его существования -- в общественном сознании именно радикальные, зачастую провокативные идеи и лозунги феминизма 1970--1980-х ассоциируются с феминизмом *per se*: с женщинами, осмелившимися не только претендовать на «равные права», но и заявить о своем праве на «позитивное различие», автономность, желание играть по своим правилам. Образ феминистки как дикой агрессивной особы, ненавидящей всех на свете мужчин, не пользующейся косметикой и ни за что не позволяющей подавать себе пальто, сложился тоже именно тогда из отражений в кривых зеркалах тогдашних медиарепрезентаций.

«Вторая волна» накатила спустя полвека: первое массовое женское движение было связано с суфражизмом -- борьбой за равные гражданские и политические права женщин. Сама идея о том, что женщина может быть гражданином (или хотя бы гражданкой) далеко не всегда казалась самоочевидной. Один из палачей Парижской коммуны, капитан Жюйенн, полагал, что женщины-коммунарки были «соблазнены» революционными интеллектуалами, искавшими адептов для своих «опасных утопий», а именно, «эмансипации женщин»:

«Разве они не рисовали перед всеми этими жалкими созданиями сияющих перспектив, невообразимых химер: женщины-судьи, женщины-адвокаты! Да-да, женщины-юристы; члены парламента, может быть, даже и военачальники, чем черт не шутит? Генералы армии? Столкнувшись с таким помрачением рассудка, нам уж, конечно, покажется, что это просто кошмарный сон!»[1]

Надо сказать, что для кого-то это и сегодня кошмарный сон, но в целом юридическое равенство женщин в Европе и Северной Америке в первые два десятилетия XX века было достигнуто. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы понять, что многое из того, о чем писал капитан Жюйенн, по-прежнему является для абсолютного большинства женщин «невообразимой химерой», и юридическое равенство само по себе еще не гарантирует реального равноправия. Женщины продолжали сталкиваться с серьезными проблемами при получении образования, поступлении на работу, урегулировании семейных отношений. Разочарование в юридическом равенстве и возможностях демократических институтов, бывшее одним из главных стимулов движения «новых левых», естественным образом привело многих женщин в их ряды.

Радикализация женщин, разделивших идеалы 1968 года, происходила на удивление стремительно: еще в предыдущем десятилетии ничего подобного нельзя было себе представить. В послевоенной Западной Европе и Северной Америке царил настоящий

культ домохозяйки. Многочисленные женские журналы, реклама, телевидение (особенно в Соединенных Штатах) убеждали, что представительницы среднего класса к концу 1950-х смогли добиться реализации «женской американской мечты»: преуспевающий и заботливый муж, здоровые дети, дом в пригороде, автомобиль, красивая одежда. В 1963 году вышла в свет знаменитая книга журналистки Бетти Фридан «Загадка женственности», посвященная развенчанию мифа о счастливой домохозяйке[2]. По ее мнению, на самом деле, замкнутые в своем «уютном концлагере», женщины среднего класса мучились от невозможности нормальной самореализации, постепенно деградировали и страдали от многочисленных неврозов. Книга Фридан стала мировым бестселлером. Насколько актуальными были инвективы Бетти Фридан? Что, собственно, не устраивало «обеспеченных дамочек» в их налаженной жизни, которая до сих пор кажется такой привлекательной многим россиянкам?

Чтобы наглядно представить себе идеологию «семейных ценностей» того времени, процитируем несколько документов. Вот, например, австралийское «Руководство по домоводству», изданное в 1960-х годах и использовавшееся как учебник в колледжах для девочек:

«-- Вы должны помнить, что к приходу мужа со службы нужно готовиться ежедневно.

-- Подготовьте детей, умойте их, причешите и переоденьте в чистую, нарядную одежду. Они должны построиться и приветствовать отца, когда он войдет в двери.

-- Для такого случая сами наденьте чистый передник и постарайтесь себя украсить -- например, повяжите в волосы бант.

-- В разговоры с мужем не вступайте, помните, как сильно он устал и на что ему приходится идти каждодневно на службе ради вас -- молча накормите его, и лишь после того, как он прочтает газету, вы можете попытаться с ним заговорить».

Или такое «Руководство для хорошей жены», опубликованное в американском журнале «Домашнее хозяйство» (номер от 13 мая 1955 года):

«-- Держите ужин наготове. Спланируйте заранее (лучше предыдущим вечером), какие вкусные блюда приготовить к его приходу. Это продемонстрирует, что вы думаете о нем и беспокоитесь о его нуждах. Большинство мужчин голодны, когда приходят домой, и перспектива хорошего ужина (особенно если это его любимое блюдо) -- необходимая часть теплого домашнего уюта.

-- Приготовьте себя. Отдохните 15 минут, чтобы освежиться к его приходу. Оправьте одежду, вплетите ленточку в волосы: будьте свежи и веселы к его приходу.

-- Будьте веселым и интересным собеседником. Он нуждается в подъеме настроения после утомительного дня, и обязанность жены обеспечить это.

- Приберите дома. Обойдите комнаты перед его приходом, убедитесь, что все чисто.
- Уберите учебники, игрушки, газеты. Протрите столы от пыли.
- В холодные месяцы разведите огонь в камине. Ваш муж почувствует, что достиг оазиса отдыха и порядка, и возрадуется. Кроме того, забота о его комфорте доставит вам огромное личное удовлетворение.
- Позаботьтесь о детях. Маленьких детей умойте и вымойте им руки, причешите их и, если это нужно, переоденьте. Дети -- это маленькое сокровище, ему будет приятно увидеть их в соответствующем виде. Соблюдайте тишину. К его приходу выключите мойку, сушилку и пылесос. Постарайтесь убедить детей не шуметь.
- Приветствуйте его теплой улыбкой и покажите искреннее желание порадовать его.
- Выслушайте его. У вас может быть много важных вещей, которые вы хотите сообщить ему, но не делайте этого в тот момент, когда он вернулся. Дайте сначала высказаться ему -- помните, его темы для разговора важнее ваших.
- Сделайте этот вечер его вечером. Никогда не жалуйтесь, если он пришел поздно или ужинал и развлекался без вас. Ваша задача гарантировать, что дом -- это место спокойствия, порядка и мира, где ваш муж сможет воспрянуть духом и телом.
- Не вываливайте на него ваши жалобы и проблемы.
- Не жалуйтесь, если он опоздал на ужин или вообще не пришел ночевать. Отнеситесь к этому, как к мелочи, по сравнению с тем, что он перенес днем.
- Создайте ему комфорт. Усадите его в удобное кресло или уложите его на кровать.
- Имейте наготове прохладительный или теплый напиток для него.
- Поправьте ему подушечку и предложите снять его ботинки. Говорите тихим, успокаивающим и приятным голосом.
- Не задавайте вопросов о его действиях и не сомневайтесь в его суждениях. Помните, он - глава семьи».

И еще из «Руководства по домоводству», из части «Советов для мужчин»:

«После совершения ного акта с женой вы должны позволить ей пойти в ванную, но следовать за ней не нужно, дайте ей побыть одной. Возможно, она захочет поплакать».

Эти цитаты важны для того, чтобы представить себе, почему одним из основных акцентов феминизма второй волны стала критика не только дискриминационных практик

публичных институтов, но и семьи как одного из главных оплотов гендерного неравенства. Причем это неравенство рассматривалось не только в марксистском смысле, как экономическая зависимость женщин от своих мужей: тогда впервые прозвучала массовая критика эмоциональной структуры классической нуклеарной семьи, той самой «ячейки», на которой уверенно держится общество.

Впрочем, молодым бунтаркам и интеллектуалкам, горячо поддержавшим идеи 1968 года, достаточно быстро пришлось разочароваться в своих «новых левых» соратниках. Женщины активно участвовали в их кружках и организациях, но чаще всего им отводилась техническая роль: печатание, приготовление кофе и тому подобное. Участвовавшие в них мужчины-радикалы охотно принимали такое «естественное разделение труда», не воспринимая самих себя в контексте отношений угнетения. Поэтому женское движение быстро оформилось как самостоятельное, обладающее своей собственной повесткой дня. Как раз к 1968 году в нем окончательно наметилась тенденция открытого сопротивления доминирующим стереотипам «подлинной женственности». Политической вехой перехода к активным действиям стала знаменитая феминистская акция в Атлантик-Сити, где проходил очередной конкурс на звание «Мисс Америка». Демонстранты протестовали против того, что «женщины, поработанные диктуемыми индустрией моды стандартами внешности, постоянно вынуждены соревноваться за одобрение мужчин»[3]. Во время демонстрации участницы сделали «мусорную корзину свободы», куда бросали бюстгалтеры и чулочные пояса как символ подчинения женщин насильственным и нереалистичным стандартам красоты. Акция получила широкое и очень недоброжелательное освещение в прессе, в частности, тогда же была выдумана история о массовом сожжении лифчиков. Так началась история взаимоотношений феминистского движения с массовой прессой -- увы, с тех пор мало что изменилось.

Однако феминистское движение никогда не сводилось к проведению чисто политических мероприятий -- это было, прежде всего, направление мысли, форум радикальных идей. Перед нами -- новая концепция различия полов, концепция женщины как «не-мужчины», позитивного иного, как отличного и равного. Во «Втором поле» Симона де Бовуар помещает категорию «женщина» где-то между «фаллической мужественностью» и ее отсутствием, то есть кастрацией[4]. Эта идея вдохновила Жермен Грир на создание работы под названием «Женский евнух» (1970), в которой она показывает, что культурный статус женщины эквивалентен статусу евнуха[5]. Эта ситуация требовала не только изменения, но, прежде всего, серьезного осмысления.

Первым заметным интеллектуальным вкладом феминисток второй волны в социальную науку стало создание теории патриархата. Сам термин, конечно, был не новым: в «дофеминистской» социальной теории патриархат понимался как система отношений между мужчинами, формировавшая особенности феодального и дофеодальных обществ, в которых иерархия складывалась в соответствии с сословными и другими, приписываемыми социальным группам, характеристиками. Капиталистические же общества понимались как «меритократические» (meritocratic), то есть управляемые людьми с наибольшими способностями, бюрократические и обезличенные (марксисты рассматривали их как систему классового господства).

Феминистическая теория дала новое представление о патриархате. Классическим считается определение, данное Кейт Миллет:

«Наше общество -- общество патриархата. Об этом свидетельствует то, что военные силы, промышленность, технология, университеты, наука, политические институты, финансы -- короче говоря, все каналы власти, существующие в обществе, включая непосредственно репрессивные органы, такие, как полиция, полностью находятся в руках мужчин»[6].

Таким образом, патриархат определялся как система социальных отношений между мужчинами, имеющая материальную базу, причем эта система, хотя и имеет внутреннюю иерархию, создает и поддерживает взаимозависимость и солидарность между мужчинами, позволяющую им господствовать над женщинами. Хотя патриархат иерархичен и мужчины, принадлежащие к разным классам, расам или этническим группам, занимают разные позиции в этой иерархии, они все же объединены общим господством над своими женщинами, и они зависят друг от друга в отношении поддержки этой системы господства. Материальная база, на которой покоится патриархат, связана, прежде всего, с контролем мужчин над женской рабочей силой. Мужчины осуществляют этот контроль с помощью отлучения женщин от ряда важных экономических ресурсов (например, в капиталистическом обществе, от рабочих мест с более высокой зарплатой) и с помощью ограничения женской сексуальности, прежде всего, регулируя репродуктивные способности женщин.

Патриархат -- только одна из иерархических систем, определяющих социальную структуру общества, наряду с классовой и расовой иерархиями. Традиционные марксистские категории, с помощью которых анализируется капиталистическое общество, описывают лишь саму иерархию, но ничего не говорят о том, какие именно люди займут в ней те или иные места (за это марксизм иногда называют «теорией пустых ячеек»). Патриархатная же иерархия (так же, как и расовая) определяет, какие конкретно люди займут в этой системе высшие и низшие места.

По сей день практически все феминистские теории активно работают с этим фундаментальным концептом; существует уже и длинная история его критики, обзор которой не входит в задачи данной статьи. Безусловно, смысл этого понятия всегда надо соотносить с конкретным теоретическим контекстом его употребления. Но сама идея существования базовой структуры социального неравенства, опирающейся на свои собственные основания и несводимой к никакой другой, безусловно, было серьезным шагом вперед в социальной теории.

Оставалось объяснить происхождение этой структуры. В принципе, к этому моменту существовало уже несколько теорий, анализировавших половую асимметрию, но все они объясняли подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам различными внешними причинами: например, марксисты -- господством частной собственности; структурно-функциональная школа в социологии -- разделением труда между «инструментальными мужчинами» и «экспрессивными женщинами». Определяющей чертой радикального феминизма, сложившегося под влиянием событий 1968 года, стала его трактовка подчинения женщин мужчинами как главного факта, определяющего положение женщины в обществе, -- причем такого факта, который ставит всех женщин в оппозицию по отношению ко всем мужчинам. Он не может быть объяснен никакими внешними причинами, и он является следствием специфических особенностей мужчин и женщин.

Поскольку подчинение женщин мужчинам первично по отношению ко всем остальным

социальным отношениям, среди представительниц радикального феминизма существовала сильная тенденция считать основания половой субординации универсальными, обычно коренящимися в биологических и/или психологических различиях полов. Многие феминистки, которые не могли согласиться с «эссенциалистскими» объяснениями, основанными на биологических различиях, концентрировали вместо этого свое внимание на предполагаемой психологической разнице между мужчинами и женщинами, а некоторые даже считали потребность мужчин в доминировании над женщинами выражением их собственной неадекватности. Так, например, Мэри О'Брайен связывала ее с потребностью мужчин в компенсации за их исключение из процесса биологической репродукции[7]. Аналогичным образом Адриенн Рич полагала, что ревность мужчин к уникальным творческим способностям женщин заставляет их добиваться реванша[8]. Однако наиболее часто, вслед за Маркузе, предпринимались любопытные попытки новой феминистской интерпретации психоанализа, причем Фрейда для этих целей часто пытались объединить с Марксом. Наиболее характерным для «духа 1968 года», на мой взгляд, был подход Суламифи Файрстоун.

Суламифь Файрстоун родилась в 1945 году. Она приняла активное участие в создании одной из первых организаций движения «За освобождение женщин Америки», и, как большинство ученых-феминисток второй волны, совмещала занятия теорией с общественной деятельностью. Ее основная работа -- «Диалектика пола: доводы для феминистской революции» -- вышла в 1970 году, и эта небольшая книга, написанная 25-летним автором, сразу стала одним из классических текстов второй волны феминизма[9]. Файрстоун концентрировала свое внимание на биологических различиях между мужчинами и женщинами и объясняла патриархат как контроль мужчин над репродуктивной функцией женщин. Ее аргументация основывалась на критике энгельсовской интерпретации исторического материализма. Файрстоун считала, что его поиски материального основания угнетения были важным шагом вперед, но он был лишь отчасти прав, сосредоточившись на экономических факторах. Напомню, в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Фридрих Энгельс признавал, что угнетение по признаку пола было первым случаем классового угнетения и связывал его с контролем мужчин над репродуктивными способностями женщин, но тут же сводил этот контроль к заботе о наследовании имущества. Файрстоун указывала, что Энгельс ввел в обращение концепт «пола как класса», но затем потерял его из виду, по мере того как на историческую арену вышли «экономические классы». Для нее же самой понимание пола как класса служило основным критерием классового разделения общества.

Файрстоун также отвергала идею о том, что эксплуатация женщин имеет корни в психологических особенностях пола. Она утверждала, что концепция сексуальности Фрейда и экзистенциалистские аргументы Симоны де Бовуар, основанные на ее теории о женщинах как «Других», в равной степени спекулятивны и антиисторичны. Файрстоун предложила в качестве третьего пути, альтернативного как «экономическому материализму», так и «психологическому идеализму», свою собственную концепцию «материалистического взгляда на историю, основанного на поле как таковом». Эта концепция, на первый взгляд, совсем не противоречила распространенной точке зрения о том, что половые различия имеют «естественное основание»: «в отличие от экономических классов, “классы по полу” имеют биологическое происхождение; мужчины и женщины созданы различными, а не одинаковыми»[10]. Такая разница с необходимостью превращалась в неравенство из-за своего биологического характера, непосредственно связанного с ролью женщины в вынашивании и уходе за детьми. Несмотря на различия в формах гендерных отношений, моделях семьи и так далее, Файрстоун настаивала на том,

что существуют некоторые универсальные константы. Так, естественные различия в репродуктивных способностях мужчин и женщин делают женщин зависимыми от мужчин в плане физического выживания; делают детей зависимыми от взрослых в течение относительно длительного периода; означают, что взаимозависимость матери/ребенка формирует специфическую психологию женщин и детей и, наконец, определяет первое классовое разделение, которое является парадигмой для всех остальных, в особенности этнических разделений, под которыми предполагается биологическое основание.

Но затем Файрстоун неожиданно как бы выворачивает свою аргументацию наизнанку: «Человечество начало выходить за пределы Природы». Развитие науки и технологии означает, что мы можем приспособлять природу к человеческим потребностям. Поэтому Файрстоун отвергает «биологический фатализм», который определяет подчиненное положение женщин как неизбежность. Если мы устраним биологический базис угнетения женщин, полагала она, женщины и дети могут быть освобождены. По аналогии с марксизмом, женщины должны захватить контроль не над средствами производства, а над средствами воспроизводства, то есть иметь возможность контролировать не только свои тела, но и свою фертильность. Эту возможность дают биотехнологии, поскольку искусственная репродуктивность позволит иметь детей в равной степени представителям обоих полов, а заботиться о них смогут более широкие социальные группы. Что именно она имела в виду? К этому времени был уже осуществлен важный прорыв в репродуктивных технологиях: возможно стало зачатие *in vitro*, вне матки. Оплодотворенная в лабораторных условиях яйцеклетка могла быть потом вживлена или матери-донору, или суррогатной матери, которая могла успешно выносить чужого ребенка. По мнению Файрстоун, далее оставалось сделать лишь еще один шаг: создать такую искусственную среду, в которой ребенок мог бы «вынашиваться» вообще вне тела матери, как в инкубаторе. И вот такая «внегендерная» модель репродукции, в которой родители могли предстать просто равноправными донорами своего генетического материала, в корне подорвала бы самые основы патриархата.

Покончив с разделением труда с помощью биотехнологии и кибернетики, можно было бы уничтожить тиранию биологической семьи, а вслед за тем будут уничтожены и все формы власти и эксплуатации, на ней основанные. Эта логика, кстати, привела Файрстоун к новой интерпретации Маркса и Фрейда, которые тоже выводили классовые и половые отношения из их биологических корней. Файрстоун считала, что вслед за исчезновением переноса биологической половой принадлежности на социальные и психологические отношения возникнет новый тип личности. Первичность угнетения по половому признаку она понимала не как исключительную форму угнетения, а как своего рода матрицу, базис для всех его форм. Эти ее идеи разделялись многими ее современницами -- радикальными мыслительницами, которые считали движущей силой истории борьбу мужчин за власть и господство над женщинами, то есть диалектику пола. (Сошлюсь здесь на известный документ «Политика эго: манифест радикальных феминисток Нью-Йорка».)

Файрстоун отдавала себе отчет в том, что осуществить такую репродуктивную революцию будет не очень просто, поскольку биотехнологии разрабатываются и финансируются тем самым патриархальным обществом, которое она хотела с их помощью взорвать; и цель их отнюдь не в том, чтобы освободить женщин от груза материнства, а в том, чтобы сделать его доступным для каждой женщины. К тому же контролируют и развивают ее преимущественно мужчины в лице руководителей исследовательских структур и научных фондов, которые вряд ли будут заинтересованы в столь решительных переменах. Для того, чтобы сделать противников своей революции сговорчивее, Файрстоун предлагала довольно радикальный ход: бэби-страйк, репродуктивную забастовку. Женщины, осознав

серьезность открывающихся возможностей, должны временно прекратить рожать детей «естественным путем». И тогда разработчики биотехнологий просто вынуждены будут ускорить свои исследования и, наконец, довести их до той стадии, чтобы младенцы могли появляться на свет вовсе без матерей...

Конечно, с позиций сегодняшнего дня, идея смотрится несколько наивно, но вовсе не потому, что такого «инкубатора» до сих пор не смогли придумать: биотехнологии продолжают свое триумфальное развитие, и не исключено, что такая разработка в ближайшем будущем окажется вполне возможной. Разве что развитие пошло несколько иным путем: в XXI веке более модным оказалось клонирование, то есть технология гораздо более радикальная, чем могла представить себе Файрстоун в конце 1960-х. Дело не в этом, а в том, что «натуралистический материализм» (в рамках которого биология рассматривается как базис для эксплуатации, а технология -- как средство для ее преодоления) несостоятелен концептуально, поскольку не может внятно ответить на вопрос: почему, собственно говоря, основанное на биологических различиях разделение труда предопределяет эксплуатацию и доминирование? Почему физическая зависимость ребенка от матери, которая продолжается в среднем один год (и то только в том случае, если она сама его кормит грудью), порождает столь громоздкую и глубоко эшелонированную систему, как патриархат? И что, в конце концов, мешает снова раздать этих искусственным образом выношенных младенцев женщинам и предписать о них заботиться, пока они не станут взрослыми, а заодно и нести ответственность за всю остальную домашнюю работу, раз все равно они будут сидеть с детьми?

Чтобы понять природу концепции Суламифи Файрстоун, а также тот огромный общественный интерес, который вызвала ее книга, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, ее тексты сочетают чрезвычайно боевой настрой с безграничной верой в возможности научно-технического прогресса. Это, несомненно, характерная печать «менталитета 1960-х годов», присутствовавшего и в России (но, разумеется, не в феминистском варианте). Заодно с отменой половых различий, Файрстоун предвидит и наступление чего-то вроде «кибернетического коммунизма», который отменит само понятие труда ради куска хлеба и уравниет всех людей еще и экономически («каждому по потребностям»). Стоит вспомнить в этом контексте СССР 1960-х и официальный партийный лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Тогда эта идея совсем не производила впечатления фантастической. В это время уровень жизни людей всех промышленно развитых стран значительно вырос, и прогнозировался его дальнейший подъем, прежде всего, в связи с развитием и внедрением в жизнь научных исследований. История науки показывает, что любая научно-техническая революция влечет за собой бурное развитие различных утопий.

Во-вторых, если отвлечься от исторического контекста, несомненной заслугой Файрстоун (благодаря чему ее книга и стала знаменитой) является острая постановка вопроса о контроле женщин над процессом репродукции, получившим затем широкое социальное звучание. Далее, Файрстоун сделала важный шаг вперед в критическом анализе фрейдизма: она обратила внимание на такой аспект, как отношения власти и подчинения. Так, она показала, что знаменитая «зависть к пенису», формирующая, согласно Фрейдю, психику девочек, связана просто с их осознанием того, что мальчики предназначены и воспитываются, чтобы стать представителями господствующего класса, а девочки, -- чтобы служить им. Таким образом, особенности положения женщин определяет отнюдь не невроз, но безвластие.

Разумеется, работа Файрстоун не является самым интеллектуально продвинутым

продуктом второй волны феминизма; она много критиковалась самими феминистками -- в частности, за недооценку категории бессознательного, в котором коренятся многие особенности половых различий[11]. С позиций доминирующей сейчас в России «демографической идеологии», ее книга и вовсе, наверное, выглядит как кощунство и вызов «всему самому святому». Объективно, конечно, самая большая слабость ее подхода не в эпатаже, а в том, что он сфокусирован на психологии и внеисторичен. Тем не менее, история идей часто устроена так, что очень важные мысли бывают высказаны (а иногда и буквально выкрикнуты) в удивительной формулировке. Несомненной заслугой радикального феминизма является актуализация и подробная аргументация идеи «личное есть политическое». Его представительницы сумели показать, что недовольство женщин своим положением не невротические причитания, а их реакция на существование социальной структуры, в которой над женщинами господствуют, в которой их эксплуатируют и угнетают. Неполноценное положение женщин на рынке труда; особая, направленная на комфорт мужчины, эмоциональная структура брака, господствующая в среднем классе; использование женских образов в рекламе; трактовка «женской души» как невротичной, широко популяризованная в академической и клинической психологии, -- все эти аспекты жизни женщин подверглись исследованию и анализу.

Вторая волна феминизма (в которой, помимо радикального направления, существовало и либеральное, и социалистическое, и психоаналитическое), хотя и не породила гендерной революции, но довольно сильно изменила нравы. Многочисленные группы по «росту сознания» дали немалому количеству женщин стимул к саморазвитию, позволили поверить в себя. Были написаны важные и популярные книги. Изменились нормы социально приемлемого выражения женской сексуальности. Наконец, феминизм отвоевал себе свое скромное, но уже неотъемлемое место в структуре академической науки (по крайней мере, западной): почти в каждом мало-мальски приличном западном университете есть отделения Women's Studies или Gender Studies (отдельные курсы читаются и в России).

Феминизм «третьей волны», развивающийся с конца 1980-х -- начала 1990-х годов и включающий в себя такие направления, как конструктивистский и постмодернистский феминизм, феминизм цветных, культурный феминизм и другие, оказался интеллектуально гораздо более изощренным, рефлексивным, чувствительным к различиям в интересах между самими женщинами. Много было написано о том, что бунт радикалок конца 1960-х выражал интересы преимущественно белых образованных женщин среднего класса, которые плохо понимали проблемы, скажем, женщин стран «третьего мира» и много еще чего не замечали в социальной реальности (чем-то эта критика, кстати, напоминает представления о деятелях 1968 года как о «зажравшихся буржуазных студентах, начитавшихся левацких книжек»). Подверглась сильной критике и идея универсального «сестринства», объединяющего женщин всего мира (потому что так сваливались в кучу все «сестры», независимо от классовой и расовой принадлежности, и нивелировались различия между ними). В этой критике много справедливого, и современный феминистский дискурс, как правило, не повторяет таких ошибок. Но лично я не могу отделаться от чувства субъективной ностальгии по временам, когда идеи солидарности звучали сильнее неумолимой логики разделения, когда общество еще казалось пластичным и подверженным позитивным изменениям, когда люди реально верили в то, что могут влиять на ход истории и добиваться справедливости.

И последнее, о чем хотелось бы в этой связи сказать: между феминистским общественным движением и феминистской академической наукой всегда существовало определенное напряжение: при схожем пафосе разные идеи, разные методы и, наконец, разные судьбы. Феминистки-теоретики находятся в гораздо более привилегированном положении,

пользуясь, хотя бы отчасти, привилегией входить в академический истеблишмент. Участницы же общественных движений сталкиваются с серьезным политическим противостоянием, редко побеждают на выборах, над ними довольно часто издевается пресса. Однако без их усилий, без их, может быть, небезупречных, трудов и рисков феминистская повестка дня просто не состоялась бы (или не была бы услышана). Точно так же, как и сегодняшний идеологический ландшафт был бы совсем другим без опыта 1968 года.

[1] Thomas E. *The Women Incendiaries*. New York: George Braziller, 1966. P. 178--179.

[2] Фридан Б. *Загадка женственности*. М.: Прогресс, 1994.

[3] Brownmiller S. *Femininity*. London: Paladin, 1986. P. 9.

[4] Бовуар С. де. *Второй пол*. СПб., 1997. С. 130.

[5] Greer G. *The Female Eunuch*. London: Palain, 1971.

[6] Millett K. *Sexual Politics*. New York: Avon Books, 1971. P.25.

[7] O'Brien M. *The Politics of Reproduction*. London; Boston: Routledge; Kegan Paul, 1981.

[8] Rich A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. London: Virago, 1977.

[9] Firestone S. *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*. London: The Women's Press, 1979.

[10] Ibid. P. 42.

[11] Dinnerstein D. *The Mermaid and the Minotaur // Dinnerstein D. The Rocking of the Cradle and the Ruling of the World*. London: Souvenir, 1978; Chodorow N. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley, CA: University of California Press, 1978.